



— Пресвятая Матерь Божия, помоги мне...  
Я не знаю, как правильно просить у Тебя помощи, но помоги мне, Пресвятая Матерь Божия...

Варя сглотнула подступивший к горлу комок — и без того слова с трудом выговариваются! Нет, надо постараться взять себя в руки, сосредоточиться... Вон и Пресвятая Матерь Божия Казанская смотрит на нее вполне благожелательно, словно спрашивает — чего ты хочешь от меня, говори уже наконец...

Но ведь нельзя, наверное, вот так просить сразу, наскоком? Надо для начала молитву правильную прочесть? А она, кроме «Отче наш», и не знает ничего... Но с этой молитвой следует, наверное, к Самому Господу обращаться, а проблема-то у нее чисто женская! Может быть, Пресвятая Матерь Божия лучше поймет и услышит!

А впрочем, какая разница... Тем более и проблема не совсем женская, ведь она не за себя просит, а за детей. И за мужа. За любимого мужа Гришу. Неужели Господь не видит, каково ему там — страдать ни за что...

## ВЕРА КОЛОЧКОВА

Повернувшись к святому лику, она перекрестилась истово, проговорила дрожащим от слез голосом:

— Господи, прошу Тебя, помоги... Помоги мне, Господи... Услышь меня, пожалуйста... Отче наш, Иже еси на небесех... На небесех... Иже... Иже еси...

Ну вот! Забыла слова молитвы, как же так-то! Надо было сто раз повторить, прежде чем в церковь идти! Всего одну молитву знает — и забыла! Да и ту случайно выучила когда-то, в детдоме еще... К ним новенькая девчонка в группу попала, Танька Берестова, которая плакала все время, плакала и молилась... Все над ней смеялись, а Варя жалела ее. Потому что одно дело — с рождения в детдом попасть, а другое дело — от папы с мамой, которые взяли да погибли вместе, в один день...

Ладно. Не до Таньки Берестовой сейчас. Надо просить, если пришла. За детей просить, за мужа... И за день завтрашний... Потому что сегодняшней день еще можно пережить как-то, а вот завтра что будет, неизвестно. Завтра — хоть пропадай. Не в переносном смысле, а в самом прямом, что ни на есть. Господи, что же с ней и детьми будет завтра?..

Слезный комок так и не усидел в горле, прорвался наружу. И всхлипнула неприлично громко, и от испуга прижала ко рту ладонь, будто ладонью можно рыдание удержать! Еще и увидела

## *От всего сердца*

краем глаза, как отворилась дверь где-то сбоку и тень мелькнула темная...

Обернулась испуганно, втянула голову в плечи. И не тень это вовсе, это священник в рясе. Батюшка. Аккурат к ней направляется. Наверное, ругать сейчас будет — чего ты, мол, вместо тихой молитвы вздумала разрыдаться?

А она и не вздумала. Само получилось. Тем более и слезы от испуга ушли...

Да и лицо у батюшки такое доброе, глаза участливые. И голос тихий, спокойный:

— У тебя что-то случилось, сестра? Что тебя привело в храм? Горе какое-то?

— Да, да... У меня случилось, да...

— Так поведай мне, легче станет. Идем присядем на скамью... Вот сюда...

Варя села рядом с батюшкой, вздохнула, отерла щеки ладонями, потом повторила тихо:

— У меня случилось, да... И не просто случилось, а... Я не знаю, как дальше жить, что делать... Не знаю, что завтра будет со мной и детьми... Понимаете, мы завтра на улице окажемся. Идти нам некуда, понимаете?

— А дети маленькие у тебя?

— Да, маленькие... Дочке восемь лет, а сыну три годика всего.

— А муж твой где, милая?

— Он... Он в колонии сейчас. Ему пять лет дали. А потом еще три года поселения...

— За что?

## ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да ни за что, бабушка. Оговорили его. Не виноват он, я точно знаю. Очень корю себя, что не смогла ему помочь толком... Денег на адвоката не нашла. На мать его понадеялась, а она... Она не захотела ему помочь... Гришу когда забрали, она меня во всем обвинила и даже из квартиры выгнала... С детьми... Я сама детдомовская, идти мне некуда. Пока какие-то деньги оставались, квартиру снимала, а сейчас деньги кончились, платить нечем... И на работу не могу устроиться... У меня ж теперь прописки нет, а без прописки даже ребенка в садик — никак... И на работу мне никак... Я ж его одного дома не оставлю! Квартирная хозяйка сказала, что сегодня последний день был, чтобы завтра съехали, а куда нам съезжать? Совсем некуда... Вот я и пришла — помощи у Бога просить... Да только как Он поможет мне — в такой ситуации? Если уже завтра нас выгонят... Когда Он успеет помочь?

— Поможет, милая. Обязательно поможет. Надо только поверить в Его помощь и просить от души, от сердца. И надеяться обязательно надо. Бог пошлет тебе в помощь добрых людей...

— Вы думаете, они есть, добрые люди? Которые возьмут и помогут? Что-то не верю я... Непонятно откуда им взяться, бабушка. Так не бывает, чтобы... Нет, не верю...

— И зря. На самом деле добрых людей очень много. Просто они живут на свете, занимают-

## *От всего сердца*

ся своими делами и даже не подозревают о том, сколько в них доброты, пока невостребованной. Всему свое время и свое обстоятельство положено, вот в чем дело.

— Нет... Нет, бабушка. Люди в основном злые, я это точно знаю. Я в детдоме росла, я видела, какие они злые кругом...

— Не надо так говорить про всех людей, милая. Надо просто верить, что люди добрые. Будешь им верить сама увидишь. Не отчаивайся, не впадай в уныние. Уныние — это грех.

— Да как же не впадать в это самое уныние, если я завтра с детьми на улице окажусь! Я ж говорю — совсем идти некуда! На вокзале нам жить, что ли?

— Ну зачем же на вокзале? Сюда приходи. При храме есть комнатка, устроишься на первое время. Поживешь. А там и Господь не оставит участием... Сердце свое открой для искренней просьбы, для надежды... Верь — и все образуется...

— А правда можно? Мне можно сюда, к вам? С детьми?

— Можно. Приходи, никто тебя не прогонит.

— Ой, спасибо вам... Даже не знаю, как благодарить... А то ведь и в самом деле — хоть пропадай...

— Господь не оставит своею милостью, если просишь от сердца. Все у тебя образуется, все будет хорошо. Обязательно встретишь добрых

## ВЕРА КОЛОЧКОВА

людей, они помогут... Ну, иди себе, милая. Поди, дети дома одни...

— Нет, что вы! Я их с подругой оставила. С Юлькой. Мы с детдома еще дружим. Она очень хорошая, она одна мне помогает как может.

Батюшка улыбнулся, кивнул головой, поднялся с места. Проговорил тихо, будто извиняясь:

— Скоро вечерняя служба начнется, мне надо идти... Если завтра придешь, спроси отца Михаила, я к тебе выйду. Договорились?

— Да, батюшка... Спасибо... А у меня сыночка тоже Михаилом зовут, надо же...

— Ну, иди с Богом. Иди...

Церковный дворик выглядел празднично от свежего снега. Когда Варя входила в церковь, он только-только пошел — валил белыми хлопьями. А теперь уже по-другому... Теперь крупкой метет, и кажется, кто-то щедрой рукой сыплет в темноту серебро. Красиво очень. Особенно красиво блестит снежное серебро в свете фонарей на улице. И на душе будто светлее становится. Хотя это не от снега, наверное... Это после беседы с батюшкой на душе светлее...

В кармане зашелся лихорадочной дрожью мобильник — ну да, она ж его на режим вибрации поставила, чтобы в церкви не трезвонил...

Ага, Юлька звонит. Устала ее ждать, наверное.

— Варь, ты скоро? Мне уже убежать надо... Да и Мишка куксится, мамку требует. Я уж так и этак перед ним гопака выплясываю, чуть не

## *От всего сердца*

колесом хожу, а он все равно хнычет. Давай уже иди домой, а?

— Да иду, Юль, иду! Я быстро! А Даша из школы пришла?

— Пришла, пришла... Вернее, прибежала. И кто это такое придумал, чтобы второклашки во вторую смену учились? Страшно же ребенку по темным переулкам ходить...

— Да мы с Мишкой ее обычно встречать ходим... А вторая смена — это не страшно. Главное, что вообще в школу в этом районе взяли, а то бы так и пришлось Дашку на другой конец города возить... Как она там, кстати? В хорошем настроении пришла?

— Да не очень... Уже и всплакнуть успела. Кое-как я ее успокоила.

— А что такое, Юль?

— Ой, сама разберешься, когда придешь...

— Ну скажи — что?

— Да она говорит, письмо потеряла, боится тебе сказать...

— Какое письмо?

— Какое-какое... От Гриши, по всей видимости...

— От Гриши?!

— Ну да... Ты же днем с Мишкой на рынок за валенками ездила, она сама из дома в школу уходила... Закрывает дверь, спустилась на первый этаж и увидела в почтовом ящике письмо. А дверца у ящика не закрывается. Вот Даш-



## ВЕРА КОЛОЧКОВА

ка и решила, что так письмо сохраннее будет, если она его с собой в школу возьмет, а вечером тебе отдаст. Сунула в варежку и пошла... А когда из школы возвращалась, варежку потеряла. Сегодня же теплее обычного, вон даже снег повалил... Спихватилась, когда в квартире зашла, хотела бежать на улицу письмо искать, да я ее не пустила... Мало ли что... На мне же ответственность будет... Ты уж сама с ней разбирайся, ладно?

— Ой, Юль... Ну как же так? Это же первое письмо от Гриши из колонии... Ну как так-то?

— Ладно, не причитай. И Дашку не ругай. Она и без того ужасно переживает. Я специально тебе рассказала, чтобы ты не обрушилась на нее с досадой.

— Нет, Юль... Ну как так можно было! Первое письмо от Гриши... С обратным адресом...

— Да ты думаешь, я не понимаю, что ли? Я все понимаю... Но что делать, случилось и случилось! Взяла и выпала варежка с письмом из кармана... Убивать теперь Дашку, что ли? Ты это давай... Смиряться как-то, пока домой идешь... И поторопись, мне уходить надо!

— Бегу, Юль, бегу...

Телефон всхлипнул — Юлька отключилась. Варя сунула его в карман, застыла на секунду, подняв голову вверх, прошептала тихо:

— Да что же это такое, Господи? Это и есть Твоя помощь, что ли? Ну почему, почему так?

## *От всего сердца*

Надо было торопиться, да ноги не шли. И плакать очень хотелось. Вот возьмет сейчас и разрыдается прямо посередь улицы...

Может, и разрыдалась бы, да неловко стало. Навстречу шла женщина с собакой на поводке и хоть и не смотрела на нее вовсе, но все равно — как-то неловко при ней рыдать...

Вот женщина поравнялась с ней, и Варя услышала, как она бормочет что-то себе под нос. Наверное, сама с собой разговаривает. Так бывает от одиночества, когда больше поговорить не с кем. Особенно с пожилыми женщинами такое случается, Гришина бабушка тоже поначалу сама с собой разговаривала, когда они у нее жить начали... А потом перестала. Потому что было с кем говорить. А когда с Гришей беда случилась, бабушка умерла от горя...

Женщина прошла мимо, не обращая на нее никакого внимания. Варя услышала обрывок ее речи — оказывается, она с собакой беседует, а не сама с собой!

— Нет, Мотя, ты не прав, совсем не прав... Когда снег идет, это очень красиво, Мотя... Я понимаю, что на обочину тебе труднее шмыгнуть, когда много снега навалено, и все же, Мотя, и все же... Ты иди и не думай о том, что тебе туда шмыгнуть хочется, просто иди себе, и все... Красотой любуйся, как я...

Странно: бормотание женщины будто слегка успокоило ее. Рассмешило даже. Идет, главное,

## ВЕРА КОЛОЧКОВА

задушевный разговор с собакой ведет! Вся в себя провалилась, прохожих не замечает... И собака бежит рядом так, словно очень внимательно ее слушает, поводок не рвет...

Варя вздохнула, улыбнулась грустно. Юлька права, не надо Дашу ругать. Что случилось, то и случилось. Придется ждать следующего письма от Гриши... Оно ведь придет, обязательно придет. И вообще... Может, все как-то образуется... Может, квартирная хозяйка передумает выгонять их из квартиры, еще подождет. Может, Юльке удастся в следующем месяце заработать побольше, и она одолжит ей денег... Хотя и без того ей с Юлькой никогда не рассчитаться! Что бы она без нее делала вообще?

Да, положение у нее совсем отчаянное. И все же, и все же... Как там батюшка сказал? Надо верить, Господь не оставит участием... Сердце открыть искренней просьбой, надеждой... Надо верить, и все образуется...

Хотя как оно образуется, как?! Если завтра утром квартирная хозяйка появится на пороге? За ночь, что ли, как-то образуется? Ага...

\* \* \*

Лидия Васильевна оглянулась вслед молодой женщине, попавшейся навстречу. Странная была женщина, да. Лицо такое... Приметное. Ис-

## *От всего сердца*

полненное отчаяния. Вдобавок очень бледное, будто от голода.

Наверное, эта девушка подумала про нее: вот сумасшедшая старушка идет... То ли сама с собой разговаривает, то ли со своей собакой. Так и прошли мимо, отметив друг друга одним и тем же словом — странные.

А может, надо было остановиться и спросить у этой юной женщины, что случилось? Почему такое отчаяние у нее на лице? Хотя... Это похоже на досужее любопытство, наверное. А она терпеть не может досужего любопытства. Да мало ли что у человека случилось! Что, теперь каждому встречному душу наизнанку выворачивать? Нынче и без того много любителей развелось в чужую душу залезть — хлебом не корми...

— Или я не права, Мотя, как думаешь? — обратилась Лидия Васильевна к собаке, слегка потянув поводок.

Мотя встал, глянул на хозяйку недовольно. Вильнул хвостом. Лидия Васильевна вздохнула, проговорила тихо:

— Значит, ты считаешь, я не права... Считаешь, надо бы спросить... Но понимаешь ли, друг мой Мотя, не каждый человек может запросто рассказать о себе первому встречному. Вот я, например, не могу. Я обязательно отвечу на такой вопрос дежурной фразой: спасибо, мол, со мной все в порядке... И эта женщина мне наверняка так бы ответила: все у меня в порядке,